

Гибель дивизии Корнилова.

Введение. Обстановка. Описание боевых действий. Уничтожение дивизии и создание из этого подвига. Причины катастрофы. Бегство Корнилова из плена.

Действия 48 пехотной дивизии, в дни 21—24 апреля 1915 года, являются одним из самых поучительных эпизодов последней войны, как вследствие того, что в них с особой наглядностью обнаружился основной недостаток русской армии—неумение управлять войсками, так и по той причине, что начальником дивизии был генерал Корнилов, впоследствии столь нашумевший в России.

„Комиссия по исследованию и использованию опыта войны“ предполагает посвятить этому эпизоду особую монографию, но так как, при современном состоянии архивов, представляется невозможным собрать все необходимые для последней материалы, то решено пока ограничиться печатаемым ниже кратким очерком.

Несомненно, что найденные впоследствии документы установят новые факты, исправят возможные ошибки, расширят и углубят исследование, но изменить его по существу они будут не в состоянии, потому, что в этом отношении вопрос уже выяснен имеющимися материалами ¹⁾.

¹⁾ При составлении этого очерка в нашем распоряжении был рапорт командира XXIV корпуса Цурикова командующему третьей армией, от 9 июля 1915 г. за № 5964, с приложенными к нему: 1) расследованием о потере артиллерии и 2) отчетом «Боевые действия XXIV армейского корпуса и приданных ему частей с 20 по 28 апреля 1915 года».

Приложения 3, 4, 5, 6, 7 и 8 к рапорту Цурикова и материалы, приложенные к упомянутому отчету, утеряны.

В своем рапорте и подробном отчете Цуриков старается доказать, что в гибели 48 дивизии повинен, главным образом, ее начальник Корнилов и отчасти командующий армией Радко-Дмитриев, слишком поздно отдавший приказ об отходе. На полку отчета имеются многочисленные пометки, сделанные Радко-Дмитриевым, которые дополняют это одностороннее освещение.

Расследование о потере орудий, произведенное начальником артиллерии корпуса Волковским, составлено весьма обстоятельно, с приложением двух планов и нескольких весьма важных полевых записок, но, к сожалению, в нем не хватает описания самого захвата батарей неприятелем. Вероятно, этот лист вырван.

По приказанию главнокомандующего западного фронта все перечисленные документы были, 15 октября 1916 г. за № 2283/1813 6, направлены к Корнилову с просьбой дать „свои объяснения о действиях 48 дивизии“.

В ответ на это Корнилов, в августе 1917 года, приказал послать Алексееву: „В собственноручно написанный бывшим начальником штаба дивизии Кисловым

В середине апреля 1915 года германские и австрийские войска, под общим руководством Макензена, разгромили главные силы русской третьей армии Радко-Дмитриева, занимавшие укрепленные позиции на Дунайце, между Вислой и Карпатами, фронтом на Краков.

После этой победы союзники перешли в энергичное наступление по операционному направлению Перемышль-Львов, то есть во фланг и тыл тем русским корпусам, которые были растянуты по северному склону главного Карпатского хребта от прохода Дукла до прохода Вышков.

Верстах в тридцати юго-западнее м. Дукла был расположен на укрепленных позициях в гористой местности XXIV корпус, под начальством генерала Цурикова: 49. дивизия от Вярхне до Речетовки и 48. дивизия от Речетовки до Чернины. Справа к этому корпусу примыкал, отступивший от Дунайца, сильно пострадавший X корпус, а слева—XII корпус.

В частности 48. пехотная дивизия, под командой Корнилова, составлявшая левый боевой участок XXIV корпуса, была расположена в следующем порядке: на правом фланге 190 Очаковский полк, в центре 189 Измаильский и 192 Рымникский полки и на левом фланге 191 Ларго-Кагульский полк.

За правым флангом у д. Комлоспотак стояла 2. батарея 48. бригады; за центром находились—у д. Жемельние 4, 5 и 6 батареи и взвод 2. батареи 24 мортирного дивизиона, у д. Чягла 3. батарея и взвод мортирной батареи; за левым флангом, между деревнями Кискурима и Фельсеодор,—1. батарея и взвод мортирной батареи.

Вся позиция 48. дивизии имела протяжение около восемнадцати верст.

На случай отступления с этой позиции было назначено, отходившее от правого фланга шоссе: Зборо, Альсопагони, Оженна, Жидовска, Кремнна, Конты, Змигрод. На участке от Кремнны до Змигорода это шоссе было также путем отступления 49. дивизии. За левым флангом позиции находилось прежнее шоссе: Свидник, проход Дукла, Тилова, Тржициана, м. Дукла, предоставленное приказом по армии XII корпусу (12 Сибирской стрелковой дивизии).

отчет—„боевые действия 48 пехотной дивизии с 21 по 24 апреля 1915 года“, ниже не подписанный, и 2) письмо того же Кислова к Корнилову от 4 мая 1917 года. Отчет освещает вопрос с другой стороны, стремясь опровергнуть заводимые обвинения и, наоборот, показать, что во всем виноват командир корпуса Цуриков и начальник 49 дивизии Праслов. В этом отношении письмо вносит значительный корректив. В обоих документах встречаются некоторые неточности во времени. Действия 24 апреля изложены весьма кратко по той причине, что в этот день, исполняя особое поручение, Кислов был тяжело ранен.

город. От Хирова до Ивли дорога шла по узкому дефиле с очень крутым подъемом.

Штаб корпуса и штаб дивизии были расположены в одном пункте с. Граб, что весьма облегчало управление. На это обстоятельство следует обратить внимание, так как в отчете 48 дивизии встречаются жалобы на недостаточную ориентировку со стороны командира корпуса. Если даже допустить, что Пуриков не все имевшиеся сведения сообщал Корнилову, то при постоянном общении двух штабов, живших в одной деревне, нетрудно было узнать все нужное.

Тут необходимо, хоть в немногих словах, охарактеризовать главного участника описываемых событий Корнилова, без чего были бы непонятны некоторые факты. Это был генерал без широкого кругозора, но лично очень храбрый и не боявшийся ответственности. Самонадеянный, болезненно-самолюбивый и упрямый, он не признавал боевого авторитета своего корпусного командира Пурикова и с величайшим пренебрежением относился к своему соседу начальнику 49 дивизии Пряслову. В оценке военной обстановки Корнилов вообще отличался большим оптимизмом, что объясняется, как присущей ему смелостью и сопровождавшим его пока счастьем, так и тем, что до сих пор ему приходилось действовать лишь против австрийцев.

Около полудня 21 апреля (4 мая) Пуриков получил телеграмму от штаба армии, в которой сообщалось, что противник сильно напирает на X корпус, и что если ему придется отойти, то XXIV корпусу будет приказано занять позицию от Самоклески через Кремну до высоты Студеный Верх, а XII корпусу — на линии Студеный Верх, проход Дукла, Шуко.

Получив это предупреждение, командир корпуса сначала дал соответствующие словесные указания, а затем в 15 ч. 30 м. разослал предварительный приказ об отходе, коим предписывалось, по получении особого распоряжения, 49. дивизии отойти на линию Самоклески—Мисдова, а 48. дивизии—на линию Мисдова—Студеный Верх. При этом указывалось последней дивизии: часть артиллерии, парков и госпиталей „по возможности отправлять по шоссе Свидник-Тилова, по соглашению с начальником 12. Сибирской стрелковой дивизии“, а оттуда в тыл назначенной позиции.

Как видно, это указание было изложено в форме недостаточно точной и определенной: раньше, чем отдавать приказ, штаб корпуса должен был сам войти в соглашение со штабом 12. Сибирской дивизии, или еще лучше со штабом XII корпуса,

а добавление слов „по возможности“ очевидно ослабляло силу приказа.

Во всяком случае, получив этот приказ, Корнилов должен был тотчас же назначить части, посылаемые на Свидник, и приказать им приготовиться к выступлению по первому требованию. Затем, все остальные тяжелые обозы и в особенности оставшиеся артиллерийские парки следовало немедленно двинуть в тыл, дабы они заблаговременно прошли трудный участок дороги Поляны — Хиров. Ничего этого сделано не было.

За день положение на правом фланге XXIV корпуса значительно ухудшилось: войска X корпуса отступили в северо-восточном направлении, вследствие чего между корпусами образовался прорыв и путь на Змигород с запада был открыт.

Наконец в исходе одиннадцатого часа вечера было получено из штаба армии словесное приказание: XXIV корпусу, в полночь с 21 на 22 апреля (4—5/V), начать отход на линию Самоклески-Студеный Верх. Это распоряжение было немедленно передано в дивизии, при чем сообразно изменившейся обстановке (в дополнение к предварительному приказу) предписывалось: во-первых, 48. дивизии выделить один полк в корпусный резерв, в д. Ивля, дабы прикрыть опасное направление Змигород-Дукла, выводившее в тыл корпуса, и во-вторых, 49. дивизии направить свою артиллерию и парки, не по прежнему пути отступления через Кремпну на Змигород, а „возможно восточнее“.

Первое из этих приказаний, несмотря на то, что „была подчеркнута настоятельная необходимость выделить этот полк с возможной скоростью“, по неизвестной причине, не было исполнено Корниловым, что же касается второго приказания, то оно было опять-таки отдано в той неточной форме, которая совершенно не допустима в боевом приказе, особенно столь серьезного значения. Путь отхода целой артиллерийской бригады с ее парками должен быть указан с полной точностью и тут нельзя отделяться неопределенными словами „возможно восточнее“. Сверх того, штаб корпуса должен был знать, что к востоку от шоссе Кремпна-Змигород не было дорог, пригодных для движения артиллерии, кроме дороги Кремпна, Поляны, Хиров, весьма плохой и уже назначенной для отступления 48. дивизии. Следовательно, в приказе по корпусу надлежало назвать эту дорогу и установить порядок ее прохождения для обеих дивизий.

С другой стороны приведенное обстоятельство должно было побудить Корнилова возможно шире использовать, указанное ему в предварительном приказе, шоссе Свидник-Тилова.

Выход на это шоссе облегчался тем, что в шести верстах позади позиции пролегалo поперечное шоссе Альсопагони, Фельсеедор, Свидник, и что неприятель, теснивший 49. дивизию и угрожавший обойти правый фланг корпуса, почти совершенно не тревожил 48. дивизию и примыкавший к ней XII корпус.

Тем не менее Корнилов направил по шоссе Свидник-Тилова всего лишь четыре батареи, дивизионный лазарет и передовой санитарный отряд Родзянко.

В отчете 48. дивизии сказано, что послать по этому пути артиллерийские парки было невозможно, так как им пришлось бы двигаться сначала с севера на юг навстречу отходившим войскам; но паркам, стоявшим в деревнях Граб, Жидовска и Добешин, нужно было пройти с севера на юг сравнительно небольшое расстояние, а между тем полки дивизии начали фактически отходить с позиции только на рассвете.

Другое возражение, приводимое в том же отчете, что нельзя было загромождать дорогу, принадлежавшую 12. сибирской дивизии, конечно, имеет свои основания, но нельзя упускать из виду, что отступление происходило при исключительных условиях. Во всяком случае выгоднее было несколько загромождать обозами хорошее шоссе Свидник-Тилова, отходившее от левого фланга, который неприятель совершенно не беспокоил, чем производить скопление обозов на плохой грунтовой дороге Кремна-Поляны-Хиров, на правом фланге, теснимом и обходимом неприятелем.

В действительности, из частей, посланных Корниловым, четыре батареи не успели воспользоваться путем Свидник-Тилова и по этому шоссе прошли лишь дивизионный лазарет и передовой санитарный отряд Родзянко.

Причины неисполнения приказа выяснены в расследовании о потере артиллерии, откуда взяты приводимые ниже факты.

Для движения на Свидник-Тилаву были назначены батареи I дивизиона 48. бригады и мортирная батарея, разбросанные по всему фронту дивизии, при чем предполагалось сначала собрать их у д. Фельсеедор. Начальником этой колонны был назначен командир мортирного дивизиона полковник Трофимов, который узнал о своем назначении из приказа по дивизии, переданного адъютантом Ларго-Кагульского полка по телефону только в 2 ч. 5 м. утра.

В приказе говорилось, что следует выступить „с получения сего“, но так как в это время на сборный пункт у д. Фельсеедор прибыли лишь 1. батарея и один мортирный взвод, то

Трофимов послал двух разведчиков навстречу другим батареям и мортирным взводам с приказанием идти на рысях, кратчайшей дорогой в д. Фельсеодор.

Расположенные на позиции у д. Чигла 3. батарея и мортирный взвод получили приказание двинуться в Фельсеодор от командира Рымникского полка около часу ночи. „О том, куда и под чьей командой они должны следовать дальше, им не сообщили“. Следуя по дороге через д. Черес, они прибыли на сборный пункт у Фельсеодора около 4 ч. утра.

Мортирный взвод, находившийся близ д. Жемельние, почему-то в Фельсеодор не пошел, а присоединился ко 2. дивизиону 48. бригады.

Стоявшая у Комлоспотака 2. батарея снялась с позиции еще в 22 ч., но была остановлена командиром Очаковского полка, после чего в 23 ч., она продолжала движение по дороге, указанной адъютантом командира пехотной бригады Поповича-Липовац, через Ондавку и Варадку на Альсопагони, где она должна была ожидать дальнейших распоряжений через батарейный резерв 6 батареи. Не найдя последнего, она остановилась, пока не получила приказа через разведчика, посланного полковником Трофимовым. Батарея прибыла в д. Фельсеодор в шестом часу утра.

Между тем, около 3½ ч. утра полковник Трофимов спрашивал у начальника дивизии разрешения отправить на Свидник 1. батарею и мортирный взвод, не дожидаясь остальных батарей и мортирных взводов, но получил ответ, что следует еще подождать.

Около 4 ч. утра полковник Трофимов получил через начальника штаба приказ начальника дивизии такого содержания: в виду того, что время упущено, колонну артиллерии следует немедленно направить через д.д. Кескоч, Оженна, Цихания, Кремппа и Поляны до д. Мшана.

Вследствие этого, 1. и 3. батареи и два мортирных взвода двинулись по указанному пути и около полудня прибыли к д. Поляны; 2. батарея, придя в Фельсеодор в шестом часу утра, пошла вслед за ними, но от Цихания свернула по крачайшей дороге и прибыла в Поляны также к 12 ч. дня.

Приведенные факты, не нуждающиеся в комментариях, показывают, что приказ о движении артиллерии по шоссе Свидник-Тилава не был исполнен единственно лишь вследствие беспорядка в управлении войсками.

Что касается II. дивизиона, то 4 и 5. батареи, с примкнувшим к ним мортирным взводом, получив приказание от Попо-

вичи-Липовац около 2¹/₂ ч. утра, двинулись через полчаса по дороге Альсопагони, Оженна, Кремина и прибыли к д. Поляны в полдень; 6. батарея, назначенная в аррьергард с Измаильским полком, присоединилась к своей бригаде позже, около 14 ч., пройдя по прямому пути Цихания-Поляны.

Таким образом все батареи 48. дивизии собрались у Поляны Сюда же в разное время подошли: 2. парк мортирного дивизиона из д. Граб, 1. парк 48. парковой бригады из д. Добешин, 2. парк из д. Жидовска и взвод 3. парка из д. Конты.

Дальнейшее движение этой артиллерийской массы задерживалось батареями и тремя парками 49. дивизии, чрезвычайно медленно проходившими по топкой дороге Поляны-Хиров. В отчете 48. дивизии говорится: „Нечеловеческие усилия саперной роты и рабочих загатить названное болото давали незначительные результаты, так как срубленные деревья тонули в пучине болота отдвигающихся тяжелых повозок парков, орудий, зарядных ящиков“.

Очевидно, гать следовало устроить раньше, для чего имелось: около трех месяцев времени, саперная рота и лес, росший по самым краям дороги.

К 15 час. полки 48. дивизии заняли позицию от д. Мисцова, по высотам 585—542—605, до горы Студеный Верх. Генерал Корнилов со штабом находился в д. Поляны.

Расположенный левее XII корпус также беспрепятственно отошел на указанную ему линию Студеный Верх, проход Дукла, Шуко.

Что касается 49. дивизии, составлявшей правый боевой участок XXIV корпуса, то она отступала при гораздо более трудных условиях, все время охватываемая справа неприятелем. Около полудня германские войска заняли Змигород, вследствие чего Цуриков, не рассчитывая продвинуть свой правый фланг до д. Самоклески, приказал подать его назад к д. Садки, в двух верстах северо-восточнее Змигорода.

О положении дел на правом участке Корнилов имел лишь отрывочные и случайные сведения, что объясняется отсутствием надлежащей связи со штабами 49. дивизии и корпуса.

По поводу связи с соседней дивизией Корнилов в дивизионном отчете говорит: „Непосредственной связи с начальником 49. дивизии у меня не было“.

В своем письме к Корнилову Кислов признается: „я виноват тем, что не послал в 49. дивизию, хотя бы и вопреки вашего распоряжения, одного из офицеров штаба дивизии, или от артиллерии“.

Из этой фразы следует, что Корнилов даже воспретил посылать в соседний штаб офицера для связи, хотя последнее рекомендуется, как тактикой, так и полевым уставом.

Относительно связи со штабом корпуса в отчете 48. дивизии сказано: „В д. Хиров начальником штаба дивизии был командирован офицер, заведывающий службой связи в дивизии, для отыскания телефонной станции штаба корпуса и постов летучей почты, как то было обещано выставить штабом корпуса; но, к сожалению, таковых не нашлось и связь с командиром корпуса, который, согласно приказа по корпусу, должен был быть в Кросно, нарушилась“.

В действительности, как видно из отчета XXIV корпуса, Цуриков не находился в Кросно, а за день вместе с своим штабом переменил целый ряд пунктов. До 2 час. ночи (с 21 на 22 апреля—4—5/V) он оставался в д. Граб, из коей переехал в Кремпну, а в 7 час. утра прибыл в Ивлю; отсюда он переехал на Лысую гору, затем—на высоту 640 и наконец—на высоту 566. В 11 час. утра командир корпуса направился обратно в Ивлю, где случайно встретил начальника 49. дивизии Прясллова, доложившего, что его войска уже подходят к указанной им линии. Переговорив с ним, Цуриков, вместе с прибывшим командиром XII корпуса Лешом, поехал в м. Дуклу.

Здесь, путем переговоров по телефону со штабом армии, ему удалось выяснить, что для заполнения прорыва, образовавшегося между X и XXIV корпусами, направлено десять батальонов III Сибирского корпуса. После такого успокоительного известия Цуриков „счел своевременным переехать в Кросно“, куда около 5 час. пополудни отправился со всем штабом на автомобилях, по шоссе через Мейсце-Пястове. Однако, отъехав от Дуклы не более версты, он стал встречать возвращавшиеся обратно на рысях обозы и транспорты. Оказалось, что небольшой отряд противника, пройдя восточнее Змигорода, проник до Кобилян, где выставил батарею и взял под огонь шоссе Дукла, Мейсце-Пястове.

Цуриков вернулся в Дуклу и, вызвав с большим трудом к телефону генерал-квартирмейстера штаба армии, указал ему на необходимость немедленного отвода корпуса, на что в восьмом часу вечера получил ответ: „корпусу отходить и занять позиции на фронте Педличе-Риманов-Сенява; отход начать сегодня в 8 ч. вечера“.

Тотчас же командир корпуса направился по шоссе Дукла-Змигород „на розыски оставленного в полдень в Ивле штаба 49. пехотной дивизии“.

Из приведенных фактов следует, что Цуриков, сопровождаемый штабом, весь день 22 апреля (5/V) провел в разъездах. В своем отчете он вменяет себе в особую заслугу такую „подвижность“, называя ее „тесным общением с войсками“; но несомненно, что подобный способ управления весьма неудобен, особенно для больших войсковых соединений.

Командир корпуса должен выбрать для своего пребывания наиболее выгодный пункт, а начальник штаба обязан организовать связь этого пункта со своими дивизиями, соседними корпусами и штабом армии; если же необходимость заставит командира корпуса переехать в другое место, то должны быть приняты меры для пересылки без задержки всех приказаний и донесений. Таковы общеизвестные правила, которые были нарушены в XXIV корпусе.

Выехав из Дуклы в двадцатом часу, Цуриков нашел штаб 49. дивизии в Теодоровке и здесь в 20 ч. 15 мин. отдал приказ о немедленном отступлении: 49. дивизии — на линию Иедличе-Рог и 48. дивизии — на линию Рог-Сенява.

Один экземпляр этого приказа он лично вручил Пряслову, а другой экземпляр послал с офицером-ординарцем в Хиров, где предполагался штаб 48. дивизии.

После этого, не дождавшись даже извещения о получении Корниловым столь важного документа и считая, что сделано все „что только в силах и разуме человеческого“, командир корпуса с чинами штаба сел в автомобили и около 9 час. вечера выехал по шоссе через Дуклу, Яслиску и Римаков в Кросно. Командующему армией он послал донесение о благополучном выходе корпуса из гор и в тот же вечер получил по телеграфу его благодарность.

На самом деле кризис только назревал. Для выхода из создавшегося трудного положения нужно было тщательно организовать отступательный марш корпуса и в особенности так урегулировать отход обеих дивизий, чтобы они, помогая друг другу, не подвергались опасности отдельного поражения.

Между тем, указанный выше краткий приказ передавал всю организацию дела в руки начальников дивизий, как известно даже неподдерживавших между собою связи, а преждевременный переезд командира корпуса в Кросно лишил его возможности руководить войсками при самом выполнении отступательного марша.

Приказ об отходе на линию Рог-Сенява был получен Корниловым в 22 ч. — Условия, при коих приходилось

совершать этот отход, в общем, сводились к тому, что войска германского корпуса Эммиха, занявшие Змигород, теснили и обходили справа 49. дивизию, обстреливая артиллерией шоссе из Дуклы в Кросно, а на фронте 48. дивизии и XII корпуса части австрийской армии Бороевича, выжидая результата обходного движения немцев, пока лишь наблюдали за передвижением наших войск. План неприятеля, который нетрудно было разгадать, заключался в том, чтобы окружить русские корпуса стоявшие в Карпатах в районе Дуклы. При подобной обстановке следовало не только спешить с отходом, воспользовавшись ночью, но и по возможности избрать пути, проходившие вне ударов обходившего противника.

Из района, занятого 48. дивизией, к новому фронту Роги-Сенява вело прекрасное шоссе Тилова, Яслиска, Римаков. В ночь с 22 на 23 апреля (5—6/V) это шоссе было прикрыто расположением XII корпуса; днем 23 апреля оно было также свободно, что неопровержимо доказывается движением 3. парка 49. парковой артиллерийской бригады, который, следуя из м. Дуклы, имел большой привал от 8 до 11 час. утра у д. Далиова, после чего выступил дальше и прибыл в Римаков в 15^{1/2} час. 23 апреля. Кроме того, из района 48. дивизии к фронту Роги-Сенява вела еще грунтовая дорога, отделявшаяся от шоссе Дукла-Тилова у Тржицианы и проходившая через Завадку-Римаковску и Любатову на Ивонич, которой, как мы увидим впоследствии, воспользовался Ларго-Кагульский полк. Между этой дорогой и шоссе Яслиска—Римаков, несомненно, имелись еще другие пути, годные для движения пехоты.

Таким образом, 48. дивизия имела полную возможность отойти быстро, несколькими колоннами, отправив артиллерию и тяжелые обозы с соответствующим прикрытием по шоссе.

Между тем, для движения было выбрано самое опасное направление от Хирова через Ивлю и Дуклу. Из отчета 48. дивизии видно, что Корнилов совершенно неверно оценивал обстановку: в то время, когда нужно было возможно быстрее вывести войска из образовавшегося мешка, он предавался иллюзиям об общем переходе в наступление, пока же полагал, что 48. дивизия, двигаясь от Хирова на Ивлю и Дуклу, будет иметь возможность действовать во фланг противнику „в случае, если бы он потеснил 49. дивизию“.

Такой неумеренный оптимизм, не желавший считаться с обстановкой, однажды (под Гродеком) уже привел 48. дивизию к потере почти всей ее артиллерии, а другой раз во время экспедиции за Карпаты к Гомонне едва не погубил ее совершенно.

К неправильному выбору направления присоединилась потеря времени.

Получив приказ по корпусу в 22 час., Корнилов только в 2 часа пополудни отдал соответствующий приказ по дивизии. Согласно этого приказа, обозы первого разряда Измайловского, Очаковского и Рымникского полков должны были двинуться тотчас же из Хирова на Ивлю, а оттуда по шоссе через Дуклу на Ивонич и Римаков. Рымникскому полку с 1. батареей 48. бригады было приказано немедленно выступить из Хирова, и, заняв высоты 583—494—421 к западу и северу от д. Ивли, образовать „заслон“ для прикрытия движения Измайловского и Очаковского полков со всей остальной артиллерией, коим предписывалось тронуться из Хирова в 3 часа утра и следовать через Ивлю, Дуклу, Ясионку и Люботовку ¹⁾ на Ивонич.

По объяснению Корнилова назначить выступление главных сил раньше этого было нельзя по той причине, что только к 3—4 час. утра можно было ожидать прибытия к Хирову четырех батарей, застрявших на дороге Поляны—Хиров. Мы видели, что артиллерия собралась у д. Поляны около полудня 22 апреля (5/V), следовательно, на прохождение шести верст до Хирова ей понадобилось пятнадцать часов!!

Дарго-Кагульскому полку, занимавшему позицию на высоте Студеный Верх, Корнилов приказал выступить в 3 часа утра и двигаться к м. Дукла, где присоединиться к дивизии.

Теперь посмотрим, как был выполнен этот приказ.

Обоз первого разряда тронулся из Хирова в 3 часа утра и, пройдя через Ивлю, около которой еще не было неприятеля, в 6 час. утра подошел к м. Дукла. Так как шоссе из Дуклы в Мейсце-Пястове обстреливалось артиллерийским огнем, то обоз свернул на Ясионку и через д. Люботовку благополучно прибыл в Ивонич, потеряв всего семь повозок, разбитых на походе снарядами противника.

По этому поводу на отчете XXIV корпуса Радко Дмитриев положил резолюцию: „характерно, что обозы могли выйти, а боевой элемент дивизии дал себя окружить“.

Рымникский полк выступил от Хирова только в 5 час. утра, на три часа позже назначенного времени, что командир полка Петровский объяснил утомлением людей. Трудно себе представить такое утомление, которое бы помешало, если не всему полку, то хотя бы части его, пройти в решительный момент от двух до четырех верст для занятия указанных высот.

¹⁾ Деревня Люботовка, которую не следует смешивать с Люботова, находится в 2 верстах к северу от Ясионки. На схеме она обозначена, но не подписана.

Впрочем, если бы Корнилов выполнил, отданный еще вечером 21 апреля (4/V), приказ командира корпуса о выделении одного полка в корпусный резерв к д. Ивля, то возможно, что в заслоне Рымникского полка даже не встретилось бы надобности.

Тем временем германские войска, шедшие за отходившими частями 49. дивизии, успели занять высоты 421 и 534 к северу и северо-востоку от д. Ивля. Когда рымникцы показались из этой деревни, то немцы неожиданно встретили их пулеметным огнем, а немецкая тяжелая и легкая артиллерия стала обстреливать походную колонну дивизии, двигавшуюся по узкому дефиле от Хирова.

„В виду внезапности огня и сильного поражения колонны, вытянутой на дороге Ивля—Хиров, среди нижних чинов произошло замешательство. Многие повозки обозов бросились назад, некоторые в сторону от шоссе, стали переворачиваться, валились в овраги и промоины, находившиеся по сторонам дороги; пехота также бросилась в стороны, частью назад в прилегающие овраги“¹⁾.

Местность не давала возможности развернуть всю артиллерию, а снявшиеся с передков к югу от Ивли взвод 1. батареи 48. бригады и взвод мортирной батареи были тотчас же подбиты. Корнилов, вместе с начальником штаба, выехал для разведки на северную окраину д. Ивли, при чем был слегка ранен пулей в руку²⁾.

Определив силы немцев около бригады, он приказал Рымникскому полку, двум батальонам Очаковского и одному батальону Измаильского полков отбросить противника, преграждавшего дорогу. Эта атака, произведенная без всякого содействия артиллерии, не удалась. „Части, понеся тяжелые потери, закрепились и окопались“.

Корнилов говорит: „Так как артиллерии 48. дивизии негде было развернуться, а без артиллерии дальнейшее наступление вело только к уничтожению, то я решил немного подождать, полагая, что 49. дивизия, находившаяся в 5—6 верстах от меня, окажет мне поддержку переходом в наступление, хотя бы накоротке на высоту 534“.

Эта надежда не оправдалась и прежде всего по той причине, что обе дивизии не поддерживали между собою связи, а Корнилов даже и теперь не послал офицерского раз'езда для розыска Пряслова и извещения его о происшедшем.

¹⁾ Расследование о потере артиллерии.

²⁾ Рана была настолько легкая, что Корнилов даже обошелся без перевязки.

К 10 часам утра для Корнилова стало выясняться, что в случае дальнейшего промедления дело может принять весьма дурной оборот и потому он приказал своей артиллерии идти через Мшану и Тилову на Дуклу, а оттуда через Ясионку и Любатовку на Ивонич. Прикрытием должны были служить: сначала, состоявшие при ней, две роты укомплектования, а затем Ларго-Кагульский полк, коему было послано приказание—на пути в Дуклу остановиться у Тржицианы, выдвинув один батальон с пулеметами к Тилову.

В 11 час. утра Корнилов послал командиру корпуса в Кросно следующее донесение: „Положение дивизии очень тяжелое, настоятельно необходимо содействие со стороны 49. дивизии и частей XII корпуса“.

Это донесение было получено в 18 ч. 40 мин., причем по словам Пурикова: „просьба не могла быть исполнена, ни по времени ее получения, ни по состоянию сил и положению войск, помощи которых желал начальник дивизии“.

Тем временем артиллерия двигалась по указанному ей направлению от Хирова на Мшану, под начальством командира мортирного дивизиона полковника Трофимова. Командир бригады генерал-майор Шульман, с несколькими батарейными командирами и офицерами, остался близ Хирова для руководства вывозом поврежденной материальной части.

В полдень, когда артиллерийская колонна прошла д. Мшану, „беглецы из д. Тилова распространили слух о том, что в их деревню подвезли 10—12 пушек и пришли мадьяры“ ¹⁾.

Полковник Трофимов приказал батареям свернуть с дороги вправо и стать в резервной колонне за отрогом высоты, верстах в двух впереди Мшаны, а взводу 3. батареи выехать на позицию влево от дороги и открыть огонь по д. Тилова. Вслед затем „были выдвинуты на позицию 6. батарея и горный взвод, которым приказано обстрелять возвышенности восточнее и южнее д. Тилова“, то-есть поражать пространство, о занятии коего неприятелем никаких сведений не имелось и где в действительности никого не было.

Пехотному прикрытию Трофимов приказал наступать на Тилову по обеим сторонам дороги.

Начальнику дивизии было послано в 12 час. дня следующее донесение: „доношу, что д. Тилова занята противником. У меня имеются полторы роты, которые двинуты на Тилову“.

¹⁾ Расследование о потере артиллерии.

Артиллерия стоит на дороге между Тиловой и Мшаной. Прошу дальнейших распоряжений“.

Таким образом, на основании непроверенного еще слуха, какого-то рассказа перепуганных жителей, посылается точное донесение о занятии важного пункта, преграждающего выход из дефиле.

В это время к артиллерии под'ехал командир сотни 18. Оренбургского казачьего полка, составлявшего дивизионную кавалерию, и сообщил Трофимову, что им выдвинуты две заставы на высоты к югу от дороги Мшана—Тилова и отправлен раз'езд для освещения пути из Тиловы в Свидник.

Тогда же в 12 час. дня полковник Трофимов послал командиру Ларго-Кагульского полка следующую записку: „Прошу выслать несколько рот для прикрытия артиллерии, идущей через Мшану и Тилову на Дуклу“. Но два разведчика, отправленные с этой запиской, равно как и казак, посланный с приведенным выше приказанием Корнилова ¹⁾, не могли найти Ларго-Кагульского полка.

Это об'ясняется тем, что „вследствие слухов, плохо проверенных разведкой“ ²⁾, о занятии немцами Дуклы, командир названного полка, полковник Карликов, отказавшись от предписанного ему первоначальным приказом движения к Дукле, в полдень, у Тржицианы свернул с шоссе вправо и через Завадку Римаховску и Люботову отвел свой полк прямо в Ивонич, о чем и донес начальнику дивизии.

В действительности, в м. Дукла в это время не было никакого неприятеля, а оно было с 11 час утра занято батальоном Очаковского полка, высланным Корниловым из Хирова по горной дороге „с целью обеспечить с севера отход дивизии через Дуклу и войти в связь с частями 49. дивизии“.

Не найдя в районе Дуклы этой дивизии, которая с полудня уже занимала новый фронт Иедличе-Роги, и опасаясь обхода немецких войск, наступавших с запада к шоссе севернее Дуклы, очаковцы в 14 час. пополудни также ушли через Ясионку и Любановку на Ивонич.

Около 14 час. прибыл к артиллерии, продолжавшей стоять на прежнем месте, командир бригады Шульман, которому об'яснили обстановку и доложили сделанные распоряжения. В это же время было получено следующее донесение от начальника пехотного прикрытия, производившего наступле-

¹⁾ Вместо Дуклы остановиться у Тржицианы, выдвинув один батальон с пулеметами к Тилову.

²⁾ Письмо Кислова к Корнилову.

ние на Тилову: „Доношу, что действительно 30—40 австрийских кавалеристов занимали часть деревни около церкви; вверенной мне ротой даны шесть залпов и они быстро уехали по линии шоссе долом, оставив трех пленных наших; влево от деревни на высоте обнаружены также малые из 3—4 человек раз'езды, которые немедленно по открытии огня скрываются. Пехота не замечена“.

Казалось бы, что после столь успокоительного сообщения, опровергавшего прежние слухи, артиллерии оставалось лишь возможно быстрее двигаться по указанному направлению через Тилову на Дуклу, но тут, несмотря на наличие двух рот прикрытия, явилось новое опасение перед неприятельской кавалерией. Решено было раньше обследовать шоссе из Тиловы на Дуклу особым офицерским раз'ездом.

„Стали собирать разведчиков по два от батарей. Сформирование артиллерийского раз'езда принял на себя полковник Резвой. В состав раз'езда вошли 10 разведчиков артиллеристов и 2 казака при 2 офицерах. Раз'езду было приказано осветить местность по шоссе из д. Тиловы в Дуклу, и по проезде пяти верст прислать донесение о возможности дальнейшего движения“.

В 15 ч. 35 мин. раз'езд донес, что шоссе на Дуклу свободно и что в последнем пункте находятся очаковцы. Одновременно были присланы донесения из Тиловы о том, что с юга, со стороны Барвинок, показались неприятельские раз'езды и патрули.

Шульман хотел уже продолжать приостановленное движение через Тилову на Дуклу, как было получено приказание Корнилова: „Отходите немедленно через Мшану к д. Хиров и станьте укрыто у перекрестка с отметкой 510, или еще ближе к Хирову так, чтобы не подвергаться обстрелу“.

Это приказание было ответом на приведенное выше, посланное в 12 час. дня, донесение полковника Трофимова о занятии д. Тилова. При существовавшей обстановке, когда путь через Тилову на Дуклу был свободен, исполнять его, очевидно, не следовало, но у Шульмана не хватило инициативы даже для такого решения, и он собрал „военный совет“.

Во время совещания неприятельские батареи начали неожиданно обстреливать дорогу Мшана-Тилова. Одна шрапнель разорвалась над резервной колонной артиллерии и произвела страшную суматоху: „лошади шарахнулись вперед через реку, переворачивая орудия и ящики, цепляясь в запряжках и постро-

ках; вслед за шрапнельным выстрелом раздался треск пулемета по сбившимся в кучу запряжкам¹⁾.

Семь орудий, подхваченных испуганными лошадьми, понесли по дороге на Тилову, при чем два из них почему-то отстали и впоследствии достались противнику, а пять остальных, направляемые ездовыми, продолжали движение по шоссе через Яслиску на Риманов, еще раз доказав, что вечером 23 апреля этот путь был свободен от неприятельских войск.

Что касается оставшейся артиллерии, то она была захвачена австрийцами. К сожалению, в имеющихся у нас документах нет описания того, как это произошло.

Между прочим, в отчете 48. дивизии сказано, что около 2 час. пополудни Корнилов приказал двум батальонам Измаильского полка идти в прикрытие артиллерии, а в письме Кислова к Корнилову действия этих батальонов описаны следующим образом:

„Потапов, как рассказывал мне подпоручик Измаильского же полка—Стоякин, получив приказание поступить в распоряжение Шульмана, двинулся туда около 4 час. дня, без всяких мер охранения и разведывания. Около Мшаны измаильцы были обстреляны пулеметами и в панике бросились в лес на высотах 648—601 Sw. Jan., а оттуда, немного устроившись, перешли к корчме и мельнице, напротив д. Нова-Весь. Здесь был собран военный совет, на котором был и Попович-Липовац. Подошедшие австрийцы бросили в толпу измаильцев несколько ручных гранат и открыли огонь пачками; произошла такая паника, что все бросились бежать, куда глаза глядят. Стоякин мне говорил, что он вам докладывал об этих действиях, не знаю, с такими ли подробностями“.

Надо полагать, что через некоторое время паника улеглась, но самый факт бросания ручных гранат показывает, что неприятель незаметно приблизился на несколько десятков шагов, то есть, что измаильцы, при коих находились командир полка и командир бригады, стояли без всяких мер охранения.

В сообщении германской главной квартиры сказано, что вечером 23 апреля (6/V), близ д. Тилова, австрийцы взяли из состава 48. дивизии около 3000 пленных²⁾.

К ночи немецкие войска уже заняли м. Дука, а передовые части австрийцев д. Тржициану, сомкнув кольцо вокруг 48. дивизии.

¹⁾ Расследование о потере артиллерии.

²⁾ Kriegsberichte aus dem grossen Hauptquartier. Н. 7. стр. 11.

Сначала Корнилов намеревался пробиваться в направлении Нова-Весь, для чего сосредоточил все оставшиеся силы к Хировой горе; но затем он от этого намерения отказался, хотя в ночное время такой план имел некоторые шансы на успех, тем более, что на указанном направлении находился мало-численный противник и притом австрийцы.

С рассветом прорыв сделался уже гораздо труднее; неприятельская артиллерия стала стрелять с севера, запада и юга вскоре к этому присоединился ружейный и пулеметный огонь.

В отчете 48. дивизии описание боя 24 апреля (7/V) заканчивается следующими словами:

„Полки дивизии отбивались на все стороны, имея целью возможно дороже продать свою жизнь и свято выполнить свой долг перед родиной“.

Дальнейшее мы узнаем из лаконического, но точного сообщения германской главной квартиры:

„На предложение немецкого парламентаря сдаться начальник дивизии ответил, что он не может этого сделать, сложил с себя командование и исчез со своим штабом в лесах ¹⁾. Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов, 12 мая (н. с.), со всем своим штабом, также сдался одной австрийской войсковой части“ ²⁾.

В результате, от 48. пехотной дивизии сохранились лишь: Ларго-Кагульский полк и батальон очаковцев, заблаговременно ушедшие с поля сражения; некоторые части, находившиеся в тылу, и пять орудий, спасенных взбесившимися лошадьми.

Что касается главных сил дивизии, окруженных неприятелем, то они погибли полностью: 6½ тысяч человек были взяты в плен, остальные убиты или ранены.

Знамена всех полков уцелели, так как их, по обыкновению, держали в обозе второго разряда.

Генерал Пуриков узнал об участии, постигшей половину его корпуса, лишь 25 апреля—8/V в 2 часа пополудни.

Первоначально всему этому делу постарались придать такой вид, как будто бы 48. дивизия сознательно задержалась

¹⁾ Вместе с ним ушли также командир артиллерийской бригады Цимм, а также после потери орудий, действительно, нечего было делать, и командир Рым-пикского полка Петровский.

²⁾ Kriegsberichte aus dem Grossen Hauptquartier Heft 7, стр. 11: «Von einem deutschen parlamentar aufgefordert, sich zu ergeben, erklärte der Divisionskommandeur, dies könne er nicht tun, legte sein Kommando nieder und verschwand mit seinem Stabe in den Wäldern. 3500 Mann ergaben sich hierauf dem Korps Emmich. Nach viertägigem Umherirren in den Karpathen ergab sich General Korniloff am 12 Mai samt seinem ganzen Stabe einem österreichischen Truppenteile».

для прикрытия общего отступления, после чего, выполнив свою задачу, остатки ее полков, со своими знаменами, пробились сквозь окружавшего многочисленного неприятеля, сам же Корнилов, находившийся при арьергарде, был тяжело ранен и взят в плен.

Главнокомандующий юго-западного фронта Иванов телеграфировал верховному главнокомандующему: „Ходатайствую о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48 дивизии и особенно ее героя начальника дивизии, генерала Корнилова.“

Решение великого князя видно из следующей телеграммы, полученной командиром корпуса от командующего армией: „его императорское высочество вошел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Св. Георгия 3 степени, телеграфировал государю императору о геройском подвиге 48 дивизии, жалует всем нижним чинам георгиевские кресты, повелел телеграфировать об офицерах, достойных ордена св. Георгия 4 степени, передать им свою горячую благодарность, вся армия гордится ими“.

Прошло более года прежде, чем дело стало понемногу раз'ясняться и постепенно появились разобранные выше документы, но и в них, посреди полемики и взаимных разоблачений, все-таки еще мелькает легенда о том, как „остатки полков 48 дивизии, спасая знамена, устлая своими и вражьи трупамн путь, пробились и вышли на фронт корпуса“.

Такое упорное искажение истины не может нас удивлять, потому что ложь в донесениях и реляциях была вообще весьма распространенной болезнью в русской армии.

Из сделанного очерка боевых действий видно, что *48 пехотная дивизия погибла от дурного управления войсками*, следовательно по той же самой причине, по коей была, главным образом, проиграна русскими и вся война 1914—18 гг.

Командир корпуса генерал Цуриков, ограничиваясь отдачей неполных и неточных приказов, в дальнейшем выпускал командование из своих рук. Вместо того, чтобы тщательно организовать отступательный марш корпуса и лично следить за его выполнением, он предоставил это дело начальникам дивизий, и перед самым кризисом уехал в тыл. Отсюда он послал командующему армией телеграмму о благополучном выходе корпуса из гор, а спустя сутки неожиданно узнал, что половина его корпуса погибла.

Служба генерального штаба во всех штабах корпуса исполнялась неудовлетворительно, особенно в деле организации связи.

Начальник 49. дивизии Пряслов действовал так, как будто он был один, совершенно не справляясь с положением частей дивизии.

Генерал Корнилов неверно оценивал обстановку, поступал вопреки с намерениями командира корпуса и даже не исполнял его приказаний. Он не поддерживал никакой связи с 49. дивизией, неправильно организовал отступательное движение, потратив напрасно много времени, а в конце, не рассчитывая удержаться, покинул вверенные ему войска, после чего они остались безоружные.

Командир Рымникского полка Петровский несвоевременно исполнил важное приказание начальника дивизии и даже не попытался выдвинуть хотя бы небольшую часть для прикрытия выхода из дефиле.

Командир Измаильского полка Потапов вел и располагал свои батальоны без всяких мер охранения и разведывания.

Командир Ларго-Кагульского полка Карликов, на основании каких-то слухов, потом оказавшихся ложными, не пошел в назначенный ему пункт, а свернул в сторону и совершенно отделился от дивизии.

Командир 48 артиллерийской бригады генерал Шульман проявил полную бездеятельность и поразительное отсутствие инициативы.

В таком же духе действовали и некоторые младшие начальники.

Вообще, описанные события, кроме ошибок в области творчества, всегда возможных в трудном и ответственном деле, обнаруживают на каждом шагу нарушение самых элементарных начал тактики и полевого устава и полную ненадежность механизма управления, тем более удивительную, что генералы Цуриков и Корнилов командовали своими частями с самого начала войны и следовательно имели за собой восьмилетний опыт почти непрерывных боев.

В плену, в Австро-Венгрии, Корнилов пробыл год и три месяца, все время думая о побеге, но убежать было невозможно. Связи с сообщниками из местных жителей, а его не находилось.

Наконец, в июле 1916 года, будучи в госпитале в Кессиге, Корнилов вошел в соглашение с аптекарским фельдшером, немцем Мрняк, который за 20.000 крон (уплачиваемых по приезде в Россию) взялся освободить его из плена. Деньги на

путевые расходы, в количестве нескольких тысяч крон, у Корнилова имелись.

Мрияк добыл все нужные документы, переделал Корнилова в австрийскую солдатскую форму, вывел его из госпиталя и по железной дороге доставил к румынской границе, которую Корнилов благополучно перешел. Сам Мрияк, судя по австрийским газетам, был арестован и предан суду, который приговорил его к смертной казни, но впоследствии это наказание было заменено заключением в тюрьме на 25 лет.

Бегство из плена, вокруг коего была создана шумная реклама, сделало имя Корнилова известным в России и послужило основанием для последующего быстрого его возвышения. Под ударами неприятеля, раздираемый внутренней смутой, русский народ тщетно искал героя-избавителя и посреди общего безлюдья некоторые думали его найти в смелом солдате, коего военные и политические таланты далеко не соответствовали его беспредельному честолюбию.

Е. И. Мартынов.

После напечатания этой статьи была найдена, в деле № 3 Оперативного отделения Управления генераль-квартирмейстера юго-западного фронта (ч. II, стр. 146), следующая телеграмма главнокомандующего Иванова, отправленная 26 апреля в Львов генералу Половцеву:

«Прошу принять самые решительные меры по содержанию передаваемой ниже относительно генерала Поповича-Липовац, части телеграммы гачальника штаба 3 армии, который сообщает следующее: раненый в бедро генерал Попович-Липовац эвакуировался во Львов и с пути прислал телеграмму панического содержания, в которой изображает бой 48 дивизии в весьма субъективной окраске страждущего от ран человека. Крайне необходимо принять меры к тому, чтобы во Львове его рассказы не произвели вредного впечатления и весь прекрасный бой этой дивизии не получил бы одностороннего освещения».

Очевидно, черногорец Попович-Липовац, кавалер четырех солдатских и офицерского георгиевских крестов, пытался высказать какую-то правду о бое 48 дивизии.